

DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.063

УДК 81:39 + 81:1 + 811.161.1'282.2 (470.1/2)

Е. Д. Бондаренко*Институт славяноведения РАН
Москва, Россия*

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЕВЕРА (на материале оппозитивных контекстов)*

В статье рассматриваются случаи проявления метаязыковой рефлексии диалектоносителей по поводу междиалектных различий, представленные в виде оппозитивных контекстов — высказываний, в которых намеренно противопоставлены особенности двух или более идиомов. Основным материалом для исследования послужили метаязыковые тексты, собранные в ходе полевой работы Топонимической экспедиции Уральского федерального университета на Русском Севере в 2005–2016 гг. Целью исследования является выявление особенностей наивных представлений о диалектных различиях на разных уровнях языковой системы (фонетики, просодии, лексики), а также анализ метаязыковых высказываний, касающихся социолингвистических и лингвогеографических параметров противопоставления говоров. В результате контекстного анализа оппозитивных контекстов в работе определяется круг фонетических черт севернорусских говоров, которые становятся основанием для создания оппозиции «свой» говор — «чужой» говор в наивном метаязыковом сознании: прогрессивная ассимиляция заднеязычных согласных по мягкости, произношение [ʏ] на месте [л], упрощение сочетания [чт'], «цоканье», «аканье» и др., — и черт, не являющихся релевантными для «наивных диалектологов». Описываются особенности «наивного» восприятия лексических особенностей говоров: междиалектной синонимии и омонимии. Определяется круг наиболее частотных слов-индикаторов диалектных различий (наименования одежды, выпечки, орудий, грибов, ягод, типовые обращения и имена, и др.). Выявляются основные социолингвистические оппозиции, релевантные для носителей диалектов («русское» — «нерусское», «городское» — «деревенское»). Осуществляется попытка проследить условные «наивные» изоглоссы, обозначаются некоторые границы и зоны, выделенные «наивными диалектологами».

К л ю ч е в ы е с л о в а: этнолингвистика; русская диалектология; языковое сознание; наивная лингвистика; метаязыковая функция языка; метаязыковая рефлексия; севернорусские говоры.

Одной из базовых оппозиций в метаязыковом сознании диалектоносителей является оппозиция «свой» говор — «чужой» говор. Диалектоносители нередко оказываются в ситуации сосуществования в одном языковом континууме двух, трех и более форм существования языка (диалект и литературный

* Авторская работа выполнена при поддержке РНФ по проекту № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

© Бондаренко Е. Д., 2017

язык; пересечение нескольких диалектов; диалект и другой язык и т. п.). Таким образом, достаточно часто возникает ситуация выбора той или иной лексической единицы из ряда синонимичных, необходимость «разведения» вариативных номинаций по разным формам существования языка. Как отмечает А. Н. Ростова, такая вариативность языковых способов выражения одного и того же содержания служит одним из основных импульсов к метаязыковой рефлексии [Ростова, с. 81].

Высказывания диалектоносителей, касающиеся междиалектных различий, могут строиться различным образом. Нередко это обобщенные размышления об особенностях «своего» и/или «чужого» говора, ср.: «Пъ-разньму люди гъварят, в нашэй дяревне так, а в другой ужэ пъ-другому, и в городе люди по-разному говорят» (пск.) [ПОС, т. 10, с. 13]. В рефлексивах (метаязыковых высказываниях, содержащих комментарии к употребляемому слову или выражению), принадлежащих «наивным диалектологам», может также содержаться утверждение или предположение о территориальной ограниченности какой-либо фонетической черты / лексемы, ср.: «Это пряжоники, только в Кичгородке говорят “пряжоники”, больше нигде» (Влг., К-Г, Смольянка); «В Петропавловске особые слова: *штё, баско, середь, залавок*» (Костр., Павин., Доброумово). Метаязыковые тексты о «чужом» говоре могут строиться «от противного» — как *не* говорят местные жители, ср.: «В нас нэ казалы *рожь*, казалы *жыто*» (кубан.) [КубГ, с. 99].

Одним из наиболее информативных способов выражения метаязыковой рефлексии диалектоносителей по поводу междиалектных различий являются оппозитивные контексты, т. е. высказывания, в которых намеренно противопоставляются те или иные языковые особенности двух или более идиомов. Приведем примеры: «У нас всё больше на “тя”: *Ваньтя, Таньтя, пецтя, овецтя*. Песни пели, так “Милощтя моя, купи бутылощтя вина”. В Шайтанке, так те ростягали опеть, у них рець-то была совсем другая» (свердл.) [ДЭИС]; «У нас у Бурнашэва столп у варот ы есь *столп*, а у Дисятникава ани называюцца *вирёл*» (забайк.) [СГСЗ, с. 72].

Наиболее частотной в метаязыковых высказываниях диалектоносителей является оппозиция «свое» слово — «чужое» слово, ср.: «Я в России был, там *свинки* гутарют, а мы — *бурак*» (рус. азерб.) [СРГА, с. 117]; «*Кусуранками*-та каров тока у Шабатуи завуть, а у нас у Бячури — *бурунка*» (забайк.) [СГСЗ, с. 237]. Нередко, впрочем, в контекстах, касающихся междиалектных различий, возникает оппозиция двух «чужих» территориально ограниченных лексических единиц, ср. «У Бячури сямейстии *вадень* называют, а вот у Малым Куналеи сибиряти *паут* яво кличуть» (забайк.) [Там же, с. 195]. Наконец, оппозиция может быть представлена в варианте «всеобщее» — «чужое», ср.: «Вязде завуть *бараны*, а у нас *курганы*» (забайк.) [Там же, с. 234].

Наивные представления о чужом (и о своем сквозь призму чужого) говоре в зависимости от особенностей ситуации общения могут складываться различным образом:

Ситуация постоянного соседства, взаимодействия носителей различных идиомов. Метаязыковая рефлексия в этом случае преследует цели отграничения «своего» через выявление «чужого», ср.: «Оглобля или пригнётка — одно и то же. Вырубишь оглоблю или пригнётку. А белорусы эту пригнётку *бастрык* звали» (Влг., Ник., Пахомово). Рефлексия над речью переселенцев (как из других деревень, районов, областей, так и из других стран) является одним из вариантов реализации метаязыковой рефлексии подобного рода, ср.: «У нас у председателя была жена, говорила: “Кланяешши, кланяешши, придешь домой — растянешши”. Она тоже из Черёповца была» (Влг., Гряз., Захарово).

Ситуация переселения субъекта рефлексии на новую территорию. Переселенцы с необходимостью сравнивают свою речь с речью местного населения, активно размышляют над чертами местного говора, так как им важно усвоить новый для себя язык, стать «своими», ср.: «Приехали мы сюды ис-пит Саратова. Сами мы ни балакалы, а типерича щё? Як уси. Уси балакають, та и мы з ними» (кубан.) [КубГ, с. 52].

Разновидностью подобной рефлексии являются размышления и наблюдения диалектоносителей, возникающие в ходе постоянных рабочих поездок (осуществляющихся библиотекарями, социальными и культурными работниками и др.) по району, поездок к родственникам, переехавшим на другую территорию и пр., ср.: «В деревне Половина я тоже работала — везде слышишь *я баю*, говорю, то есть. И растягают они, речь у них растяжная» (Влг., Ник., Пермас).

Ситуация единичной встречи (поездки на сенокос, на ярмарку, в гости и пр.). В подобных случаях рефлексия «наивных лингвистов» представляет собой в большей степени случайные наблюдения, повествование о курьезном событии, произошедшем вследствие языкового несовпадения, ср.: «Наши мужики поехали на сплав за Волгу. Пришли в Чебоксарах на базар. Захотели молока. Там молоко, в кринках. “Ну, вам с *холодёной* — или как?” — спросили их тамошние мужики. Они думали, холодное молоко. “Да, — говорят, — с *холодёной*”. Первый, второй выпил — нормально. А третий пьёт — а там лягушка выскакивает. Их те мужики специально в кринки бросали, вместо холодильника. Наши аж кринки бросили, а те смеются» (Костр., Шар., Завьялиха). Осмыслению чаще всего подвергаются междиалектные синонимы или омонимы, незнание которых может, в частности, привести к бытовым недоразумениям [см.: Березович, Бондаренко].

Особым случаем метаязыковой рефлексии являются стереотипные, в некоторой степени фольклоризованные представления диалектоносителей, основанные не на личном опыте общения, а на том, как «люди рассказывают». Такие представления нередко изначально базируются на наблюдениях над реальными языковыми особенностями какой-либо локальной группы, однако в дальнейшем по ряду причин начинают «обрастать» фольклорными сюжетами (частушками, дразнилками, анекдотами и пр.). Подобным образом, к примеру, строятся народные представления костромичей о *вятчанах* [см.: Казакова (Бондаренко)], а также о жителях территорий с «акающим» произношением (так называемого

Костромского акающего острова) — «агафонах», ср.: «Агафоны говорили: “Агафон-пастреу, жирибѣнка съеу, аставил хфос на Великий пос”»; «Наши отходники что-то натворили в Москве и попали в полицию. Начальник спросил первого: “Как тебя звать?” Тот соврал: “Агафон”. Другому: “Тебя?” — “Агафон”, и третьему — “Агафон”. “Вы что, все Агафоны?” — “Да”. С того будто и пошло. Но можно ведь предположить, что агафоны появились от привычки говорить “ага” вместо “да”, т. е. ага-фонить» [Воронцова, с. 19–20]. «Фольклорность» наивных представлений о чужом языке может объясняться также удаленностью тех мест, где проживают чужаки: никто их не видел, все только о них слышали, ср.: «Слыхали, Кема есть. Дак там слова! Оне русские и мы русские. А в Кемах все сплошь да рядом другие названия домашним вешали. Картошку окучиват: у нас это просто *загрѣбовка* называется, а у них *каракуля*! Что за *каракуля*! Совсем мы с трудом можем понять друг дружку» (Влг., Ник., Березово).

Наиболее продуктивными методиками изучения и анализа перечисленных разновидностей метаязыковой рефлексии диалектоносителей, касающейся противопоставления говоров, как кажется, являются опросы, анкеты, живые беседы и включенное наблюдение во время полевой работы диалектологов. Метаязыковые тексты, которые будут анализироваться в дальнейшем, были записаны в 2005–2016 гг. Топонимической экспедицией Уральского федерального университета (в работе которой принимал участие автор данной статьи) на территории Русского Севера — Архангельской, Вологодской областей и северо-востока Костромской области¹.

Следует также отметить, что наивные лингвистические представления жителей Русского Севера, как думается, представляют особый интерес и потому, что на данной территории сосуществовали русские говоры и говоры аборигенного финно-угорского населения, архаичные и более новые диалектные черты, создавая, таким образом, языковую ситуацию, благоприятную для активизации метаязыковой рефлексии, касающейся междиалектных и межъязыковых различий.

Таким образом, в центре нашего внимания — случаи метаязыковой рефлексии жителей Русского Севера по поводу междиалектных различий, представленные в виде оппозитивных контекстов. Следует отметить, что в силу особенностей сбора материала подобного рода мы ни в коей мере не претендуем на полноту его охвата и попытаемся лишь в общих чертах проанализировать, какие уровни языка в первую очередь попадают в центр внимания «наивных диалектологов», какие из черт северорусских говоров, выделяемых научной диалектологией, становятся основанием для создания оппозиции «свой» говор — «чужой» говор в наивном метаязыковом сознании, а также какие территории оказываются противопоставленными в наивном «членении» говоров Русского Севера.

¹ А именно: Вохомского, Октябрьского и Павинского районов Костромской области, входивших до 1918 г. в состав Никольского уезда Вологодской губернии.

Осмысление «своего» и «чужого» говоров в системно-языковом аспекте

В силу коммуникативности и прагматичности подхода наивных лингвистов различия говоров осмысляются в первую очередь с точки зрения возможности договориться, понять друг друга. Как следствие, наиболее часто рефлексии подвергаются те уровни языка, единицы которых позволяют осуществить дифференциацию «свой — чужой» особенно быстро и явно: уровни фонетики, просодии и лексики. Кроме того, внимание диалектоносителей к коммуникативной составляющей языка стимулирует рефлексии, связанную с наличием разных средств выражения одного и того же содержания: наиболее частотными являются высказывания, где противопоставляются лексико-семантические варианты слова и междиалектные синонимы.

Просодия

Жители Русского Севера чутко различают особенности говоров в интонационном построении фразы; «растяжная», «пологая» речь противопоставляется быстрой, «отрывистой», ср.: «А они, эти поселенцы, конец-то не растягивали, по-другому говорили. В Вилегодском районе-то тянут. А эти поселенцы не тянут, всё равно что иностранцы»; «На Виледи-то там тянут: “Девка-а, ты куда пошла-а”». В Лешуково-то вообще непонятно говорят: то тянут, то быстро» (Арх., Лен., Курейная); «В Малой Сизьме там всё протяжно говорят, а я быстро» (Влг., Шексн., Марьино); «Они протягают. Они полого разговаривают, а мы-то круто. Ветчанята пели: “Маручатского милёночка Любила на обма-а-а-ан. Посадила полоротому воробышка в карма-а-а-ан”» (Костр., Павин., Березовка); «По Вохме — вохмяки, а Вятка от нас далеко, жили вятчанёнки. Они говорили вот как-то... Мы вот говорим растяжно, а они отрывисто» (Костр., Вохом., Жаровская). Отметим, что жители Павинского района считают речь вятчанят протяжной, «пологой», а жители Вохомского района, напротив, отмечают отрывистость вятской речи. Таким образом, один и тот же говор в языковом сознании соседей может наделяться противоположными признаками.

Фонетика

Наивные диалектологи отмечают следующие фонетические черты говоров Русского Севера:

- различие гласных неверхнего подъема после твердых согласных — оканье, ср.: «Мы окаем всё, дак и то меньше, чем они <жители Аргуновского с/п>» (Влг., Ник., Пермас);
- произношение безударного гласного [o] после мягких согласных — ёканье, ср.: «Далеко ли Теребаево? Там *нетух* говорят, а в Байдарове *нётух*. <...> Там *мешок*, *река*, а в Байдарове *мёшок*, *рёка*» (Влг., Ник., Байдарово);
- усиленное лабиализованное произношение предупредительного [o], ср.: «Сиговцы <жители д. Сигово в с/п Плосковское> говорят: “Ой, луговой травы *ухота!*” А у нас *охота*» (Влг., К-Г, Смольянка);

- [e] на месте [’a] под ударением, ср.: «Вот у нас *гулять* говорят, а там <в Череповце> *гулеть*» (Влг., Гряз., Захарово);
- возможность произношения в предударном слоге гласного [и] перед мягкими согласными в соответствии фонеме [ê] перед твердыми, ср.: «Опять в Петропавловске по-другому. *Река*, так они *рика*» (Костр., Павин., Доброумово);
- цоканье: мягкое, ср.: «В Лешукони-то там [ц]: “Бежала овц’а мимо нашего крыльц’я, как стукнецц’а да перевернецц’а”, а в Вологодской-то области, там [ч]: “Бежала овча мимо нашего крыльча, как стукнечча да перевернечча” (Арх., Лен., Курейная); твердое, ср.: «Две деревни в одной местности — разговор по-разному. Там у нас в Быково-то было, к Троицкому относилось. Там не назовут чай: “Дай мне чай”. Скажут: “Налей-ко мне цаёцку”. Чугун тот же! “Я, — говорит, — цаю в цугуне сварила”. Вот у бабы сестра была здесь, вот у той тоже поговорка всё время: “Цево”. Не “чего”, а “цево”, “зацем”» (Костр., Шар., Козиониха);
- упрощение сочетания [ч’т] в [шт], [шт’], [с’т’] или в [щ], ср.: «“С’т’о-пос’т’о” — Вохма, вохмяки этак говорили. Это “што-пошто” значит. Приезжали из города — поштокивали. У нас-то говорили “що-пощо”, Вятка-то» (Костр., Окт., Боговарово); «Я замечаю, здесь *штё* всё говорят, а у нас на Кеме — *шо*» (Влг., Ник., Борок); «У вятских есть смешное слово *штё*. Все говорят *что, чо*, а они *штё*» (Костр., Павин., Доброумово);
- [цч’] на месте [ч’], ср.: «Нас называли цчивкунами. Ноколян. Всё на *цчё*, да на *цчё*: “Милка цчё, милка цчё...”» (арх.) [БДКА];
- прогрессивная ассимиляция заднеязычных по мягкости, ср.: «Далеко ли Теребаево? <...> Там *Манькя*, а здесь *Манька*» (Влг., Ник., Байдарово); «Вятский-то разговор: “Манькя, Ванькя”. А вохомский разговор: “Рукавиц’ки в пец’уроц’ку положим”» (Костр., Окт., Боговарово);
- неразличение гласных неверхнего подъема после твердых согласных — аканье, ср.: «Ветчанята говорят не па-нашему: вохомцы на “о”, ветчанята на “а”» (Костр., Павин., Шайменский); «Мы приветствуем друг друга: “О, привет, агафон!” , это матвеевских, так как наречие у них на “а”, а здесь <в Ширском с/п> больше на “о”»; «В Горельце акают, а мы тут окаем, вот и зовём их агафоны»² <костр. *агафоны* ‘жители Парфеньевского р-на Костромск. обл.; жители Матвеевского сельсовета Парфеньевского р-на Костромск. обл.’>» [Воронцова, с. 19].
- произношение слова «когда» с [л] на месте [г] и ударным *ы* [см.: Захарова, Орлова, с. 112], ср.: «Здесь в Ивановском говорят “колды”, “пошёў”, “поехаў”. Это “когда”, “пошёл”, “приехал”» (Костр., Шар., Печенкино);
- произношение [ў] на месте [л], ср.: «Не как наши, по-вятски всё. А вот и песню пели: “Не пойду на Вятку замуж, там леса-леса-леса, говорят там не по-русскому: наелся, напился”. У нас-то ведь говорят: “Наеўся, напиўся”».

² Заметим, что Н. С. Ганцовская рассматривает метаязыковые высказывания жителей Костромской области, касающиеся «акающего» произношения их соседей, как маркер, в наибольшей степени показывающий отличие данного этнического коллектива от других и позволяющий, соответственно, характеризовать Костромской акающий остров как особое этническое образование [Ганцовская, с. 15].

А там-то: “Наелся, напился”» (Костр., Окт., Боговарово); «У нас в Марутине говорили “пошёў”, “ушеў”. А здесь <в с. Ивановское> прямо “л” выжимали: “пошёл-л-л”, “ушёл-л-л”» (Костр., Шар., Марутино); «Здесь в Ивановском говорят “колды”, “пошёў”, “поехаў”. Это “когда”, “пошёл”, “приехал”» (Костр., Шар., Печенкино). Отметим, что говор жителей с. Ивановское также наделяется в сознании различных информантов прямо противоположными фонетическими чертами.

Лексика

Внимание «наивных диалектологов» может быть обращено к междиалектным различиям в плане выражения (синонимические наименования одной реалии) или в плане содержания (лексико-семантические варианты слова) языкового знака.

Синонимы. Противопоставлены могут быть как слова, распространенные в различных областях, районах, ср.: «В Воронеже доча живёт, там говорят совсем не по-нашему. У нас *черпак*, а у их *ополовник*. У нас *баской*, а у их *уарной*. Смешно так» (Влг., К-Г, Еловино, Смольянка); «В Сокольском районе — *брус*, а здесь — *плаха*. В Сокольском районе — *тетеря*, а здесь — *пирог*» (Влг., Ник., Пермас), — так и наименования, бытующие в соседних населенных пунктах, ср.: «Лестница называется по-разному: в Кумбисере *сходни*, у нас в Кривяцком *скодни*, а в Займище *кресты*. Это на крышу лезти лестница» (Влг., Ник., Кривяцкое). Деревни, перечисленные информантом, расположены в пределах 5 км друг от друга. Отметим, что в последнем примере информант включает в оппозицию как синонимические (*сходни* и *кресты*), так и фонетические (*сходни* и *скодни*) варианты наименования, осмысляя произносительные варианты слова как различные лексемы. Явление междиалектной синонимии нередко вызывает у диалектоносителей смех: «чужое» слово кажется нелепым, смешным, сравнение своей и чужой лексики становится импульсом для воспоминания (или создания) анекдота, «лексического недоразумения», ср.: «В Кологрив мы ходили. “Ну-ко, принеси челпан», — бабка говорит. А мы давай хохотать. Смешное слово. А принесли каравай. Ну, видать, у их *челпан*, а это обычный *каравай*» (Влг., Ник., Серпово).

Лексико-семантические варианты слова. Одним из наиболее частотных для жителей Вологодской области слов-индикаторов диалектных различий является лексема *обряжаться* (со значениями ‘ухаживать за скотом’, ‘заниматься выпечкой’ и ‘одеваться’³), ср.: «Пошла обряжаться — скотину кормить. Приехала Зоя и не понимает, как это. Я пришла, а она смотрит: я в том же наряде. В Вахнево Никольского района *обряжаться* — значит пироги печь» (Влг., Ник., Пермас); «В Милофанове со скотом управляют, а хлеб стряпают — *обряжаются*. А мы-то *обряжаемся* со скотиной. Вот и смеялись друг над другом. “Чего вы три раза в день обряжаетесь”» (Влг., Ник., Завражье); «Вечер настаёт, надо

³ Ср. еще костр. *обряжаться* ‘готовить умершего к погребению’: «У нас удевливаются со скотиной, а обряжают покойника. В других местах эти слова другое значат» (Костр., Шар., Гордюшиха).

идти обряжаться. *Обряжаться* у нас говорят, а у Маши <в Малиновке> — *стряпать* говорят. Я спрашиваю: “Чего стряпать? Пироги пекти, что ли?” — “Да нет, корову стряпать: доить, кормить, управлять скотом” (Влг., Ник., Осиново). Причем в последнем примере лексемой-индикатором становится также слово *стряпать*, в речи информанта бытующее в литературном значении ‘заниматься выпечкой’, а в речи жителей соседней деревни, по его мнению, используемое в значении ‘ухаживать за скотом’.

Явление лексико-семантического варьирования значений слова на различных территориях также приобретает в сознании диалектоносителей ироническую или даже негативную оценку, ср.: «В Милофанове ошурки от сала — *сморчки*. А у нас *сморчки* — грибы. Вот смешно!» (Влг., Ник., Завражье); «Куриловцы <жители Куриловского с/с> совсем от нас отлепились. У нас их слова и говорить-то некрасиво, они скажут *лешачиха*, а у нас это материнское <матерное> слово» (Влг., К-Г, Смольянка).

Далее обратимся к анализу наиболее частотных слов-индикаторов диалектных различий. Таковыми наиболее часто становятся слова из следующих тематических групп лексики.

Бытовые реалии и действия

Внимание диалектоносителей нередко обращается к наименованиям выпечки, ср.: «Вятчане приехали с Вятки, у них и разговор не как у вочагов <жителей бассейна р. Вочь>. Вот, вочаги говорят *колобы*, а вятчане — *шаньги*⁴» (Костр., Павин., Медведица); «В Кологив мы ходили. “Ну-ко, принеси *челпана*», — бабка говорит. А мы давай хохотать. Смешное слово. А принесли каравай. Ну, видать, у их *челпан*, а это обычный *каравай*» (Влг., Ник., Серпово); времени приема пищи, ср.: «Обеды по-разному зовутся: у вочагов — *обед*, а у вятчан — *паужина*» (Костр., Павин., Медведица); одежды, ср.: «У ветчанят — *остебенья* <‘манжета’ [ЛКТЭ]>: “Одень *остебенья*”. *Шлаги* по-другому (у вохмяков), *манжеты*, а у них — *остебенья*» (Костр., Окт., Катушенки); «На Вятке говорят *валеги*, а у нас — *валенки*. Мы и Вятка — как два разных государства» (Костр., Окт., Боговарово); частей дома, ср.: «Ветченята эстонцы были. У нас *чулан* на мосту-то, у них *клеть*. Домики у их маленькие были» (Костр., Павин., Петропавловское); «У нас *сильник* называется, а у ветчанёнков *клить*» (Костр., Окт., Даровая); «У вохмяков *печурки* <‘углубление в центральной части русской печи’>, у вятских *конурки*» (Костр., Окт., Боговарово); «Вот здесь <в д. Козиониха> мы зовём, допустим, *рамы*. Вот в нашей деревне, где я родился, там нет *рам*, там *окольница* <в д. Быково>, вот и думай, что такое это за чудо — *окольница*» (Костр., Шар., Козиониха); утвари, ср.: «У вохмяков — *бутылка*, у ветчанёнков — *сулейка*»; «Вятчане живут, они пришли с реки Вятка, и южане <жители бассейна р. Юг>. У нас мисочка, из которой кошку кормят, называется *попыря*, а у них — *лакоуша*, это у тех, кто с Юга» (Костр., Павин., Медведица).

⁴ Выборочно приводятся наиболее показательные контексты.

Сельскохозяйственные реалии и действия

Ср.: «*Копачом* картошку огребают, а в Курилове — *копушкой*» (Влг., К-Г, Смольянка); «Мы говорим — *окучивать* картошку, а в Петропавловске — *океркать*. У них *керка*, у нас — *копалушка*» (Костр., Пав., Медведица); «У нас косят литовкой, а у них горбушей, у нас скажут *уборная*, а у них — *нужник*» (Костр., Окт., Клокино).

Объекты живой природы

Наименования водных объектов, ср.: «*Ердань*-то это на Вятке называли, а у нас-то просто *прорубь*» (Костр., Вохма); грибов, ягод, ср.: «Ягоду жимолость видала? Вот у нас она *соски* называлась. А в Пыщуг приезжала, так у них *котомошники*» (Влг., Ник., Куданга); «*Путикі* называют *груздями* в Череповце, а у нас *путикі*» (Влг., Плосково, Плоская); «У нас *быкан*, вятчанье зовут *валуями*, а южаки *лобанами*» (Костр., Павин., Доброумово); «У нас *быки* называют — круглые, горьковатые. На Вятке — *коровяки*» (Костр., Вохма). В последних двух контекстах разные «соседи» приписывают вятской речи различные названия одного и того же вида грибов — валуя.

Типовые обращения и имена

Ср.: «А в Баданках наговорь уже другая была: не *Манька*, а поштё-то *Маричка*» (Влг., Ник., Куданга); «Вот, например, у нас *божатка* — это крёстная, а в Кичгородском районе *божатка* — это тётка» (Влг., Ник., Нюенга).

Микротопонимы

Ср.: «На *Пырьеватках* косили, а в Калинине их *Пеневатки* звали, наши-то *Пырьеватки*» (Влг., Ник., Челпаново).

Служебные части речи, модальные слова

Ср.: «В Займище <д. Никольского р-на> говорят слово *бат*. Значит ‘ты’. Так скажут: “Ой, бат, я тебя давно не видала!” У нас нет такого слова» (Влг., К-Г, Смольянка).

Осмысление «своего» и «чужого» говоров в социолингвистическом аспекте

Социолингвистическое осмысление говоров наивными диалектологами зависит во многом от того, как сами носители воспринимают это наречие (от представлений о своей речи или речи соседей как «старинной», «чуждой», «смешной» и т. д.).

Значимой для наивных диалектологов оппозицией является оппозиция *нерусское / русское*, ср.: «В Вилегодском районе-то тянут. А эти поселенцы не тянут, всё равно что иностранцы» (Арх., Лен., Курейная); «Вот ветчана-то: эстонцы да островские. У их разговор особой. Мы-то русские, вохмяки, а они ветчана» (Костр., Павин., Доровица). Отметим, что на данной территории (Павинский р-н Костромской обл.) любое «чужое» слово, отсутствующее

в говоре местного населения, может восприниматься как вятское, ср. реакцию информанта на незнакомое ему слово: «Это ты у ветчан где-нибудь схватила?» (Костр., Павин., Петропавловское).

Нередко диалектоносители дают оценку различным говорам по признаку близости городскому наречию. Городской язык становится «эталоном правильности» в оценке двух говоров: лучшим оказывается тот говор, который, по мнению «наивных лингвистов», «ближе» к литературному языку. Соответственно, в представлениях о междиалектных различиях выстраивается оппозиция *городское / деревенское*, ср.: «Ветчина из-за Вохмы приезжали. Они как покультурней говорили. А мы дико-надико говорим» (Костр., Павин., Большой Завраг); «Ветчана с Соловецкого района, к Шабалину ли, куда. У их наречие какое-то и речь не как наша. Они с акцентом говорили. Мы так шлёпам, а в городе другая. Мы всё по-деревенски шлёпаем, баем, все старого придерживались» (Костр., Павин., Старое Коточижное); «Аргуновцы, у них даже произношение — *Ванькя, Манькя*. Дворищана только немного чокали. А у нас местного говора почти нету, а в Кеме вон до 70-х годов в печках мылись» (Влг., Ник., Пермас). В последнем контексте формальное основание для оппозиции является весьма размытым. Можно предположить, что сравнение говоров основывается на предполагаемой степени близости говора к городскому языку и культуре (на это указывает появление в сравнительном ряду Кемы, где «до 70-х годов в печках мылись»). «Городской», «научный» говор может также становиться одним из членов оппозиции, ср.: «У нас зовут быки, а по-научному валуи, а в Кириллове зовут кубари» (Влг., Ник., Пермас).

Выводы

Подводя итоги, обозначим некоторые особенности наивного восприятия и осмысления междиалектных различий жителями Русского Севера, выявленные на материале оппозитивных контекстов.

1. Диалектоносители не устанавливают жестких параметров противопоставления. В частности, говоры могут сравниваться на основании разнородных фонетических черт, главным для «наивных лингвистов» является осознание «необычности» какого-либо варианта произношения, ср.: «Вятский-то разговор: “Манькя, Ванькя”. А вохомский разговор: “Рукавиц’ки в пец’уроц’ку положим”» (Костр., Окт., Боговарово) и др.

2. Показательной оказывается «плавающая» нормативность произношения. Например, *вохмяки* (жители бассейна р. Вохма), характерной чертой речи которых является произнесение [ʏ] на месте [л]⁵, квалифицируют произношение с [л], являющееся нормативным в литературном языке, как *вятское*, ср.: «Не как наши, по-вятски всё. А вот и песню пели: “Не пойду на Вятку замуж, там леса-леса-леса, говорят там не по-русскому: наелся, напился”. У нас-то ведь

⁵ Ср.: «Наеўся, напиўся, да на печку забрайся — это вохомских дразнили» (Костр., Вохма).

говорят: “Наеўся, напиўся”. А там-то: “Наелся, напился”» (Костр., Окт., Боговарово). В данном случае «эталон» произношения, на который ориентируются диалектоносители, оказывается местный говор. Обычно же диалектоносители сравнивают свой говор с говором соседей по степени близости к литературному языку. По-видимому, в случае, когда необходимо определить более или менее жестко границы, разделяющие локальные группы населения, происходит смена эталона; близость к литературному языку, по сути, не является релевантной.

3. Фонетические особенности речи могут осмысляться диалектоносителями как лексические, с приведением иллюстраций — устойчивых контекстов, ср.: «Две деревни в одной местности — разговор по-разному. Там у нас в Быково-то было, к Троицкому относилось. Там не назовут чай: “Дай мне чай”. Скажут: “Налей-ко мне цаёцку”» (Костр., Шар., Козиониха). В такие конструкции попадают черты, которые, по мнению диалектоносителей, максимально ярко характеризуют местный говор.

4. Наиболее часто диалектоносителями отмечаются следующие черты севернорусской фонетики: цоканье, прогрессивная ассимиляция заднеязычных согласных по мягкости, произношение [ў] на месте [л], упрощение сочетания [чт']⁶. «Наивные диалектологи» практически не отмечают «оканья», распространенного по всей территории Русского Севера, при этом «аканье» жителей Костромской области осмыляется весьма активно.

В собранных к данной статье оппозитивных контекстах нам не встретилось также упоминания о таких чертах фонетики Русского Севера, как: смычное образование звонкой заднеязычной фонемы [г] (в противопоставление южнорусскому фрикативному [γ]); отсутствие [j] в интервокальном положении в словах типа дѐл[аэ]т, дѐл[аа]т, дѐл[а]т (в противопоставление южнорусскому и литературному сохранению [j]) и др. Можно предположить, что значимыми для диалектоносителей оказываются фонетические особенности, которые хорошо слышны и явно отличаются от локального говора носителей рефлексии и от норм литературного произношения. Черты же, характерные для всех жителей Русского Севера (противопоставленные, к примеру, речевым особенностям носителей южнорусских говоров), «наивные диалектологи» оставляют без внимания, так как вариант иного произношения в данном случае им просто неизвестен.

В нашем материале отсутствуют также оппозитивные контексты, иллюстрирующие явление ассимиляции согласных по назальности в сочетании [бм]: о[мм]а́н (обман), о[мм]ен'а́т' (обменять) и случаи произношения мягких шипящих [ж'] и [ш'] в соответствии литературному [ж] и [ш]. Однако эти черты все же отмечаются диалектоносителями в контекстах другого рода, ср.: «Ветчанята пели: “Маручатского милёночка любила на о[мм]а-а-а-ан. Посадила полоротому воробышка в карма-а-а-ан”» (Костр., Павин., Березовка); «Здесь половина ветчанят. Они с реки Вятки. Они говорят мягче: “Ямщик, держ'и туж'е вож'и: маш'ина беж'ит”» (Костр., Павин., Шайменский). Отметим, что

⁶ Список фонетических явлений, характерных для говоров Русского Севера, дан по: [Захарова, Орлова].

данными фонетическими особенностями, ярко характеризующими фонетику говоров Русского Севера, наделяются именно вятчанята — в некоторой степени фольклоризованный образ «соседей» костромичей.

Говоря об особенностях наивного восприятия и осмысления различий диалектной лексики, нужно отметить следующее.

1. Выбор тематических групп, позволяющих выделить диалектные различия, достаточно прозрачен: это лексика наиболее «бытовых» сфер жизни, обрисовывающая ситуации, которые происходят ежедневно.

2. Размышления диалектоносителей, касающиеся междиалектных различий в лексике, нередко «ситуативны»; сравнивается речевое поведение жителей различных деревень в сходной бытовой ситуации, ср.: «У нас гороховики собирают, а в Заостровье их горянками называют» (арх.) [КСГРС]. Воспоминание о междиалектном синониме происходит «от ситуации» — рассказа о том, что собирают в лесу. Как следствие, оппозитивные метаязыковые высказывания могут строиться с использованием типовых синтаксических конструкций, ср.: «Мы говорим “девка в зипуне”, “чажелко”, “по середе”, как ветчанята» (Костр., Павин., Доброумово), с приведением развернутых ситуационных примеров, ср.: «В Тотьме была: “Саня, пойди на чердак, принеси зобеньку!” — “Граня, я не могла найти, никакой зобеньки там нет”. А у нас <это> корзина» (Влг., Ник., Теребаево).

3. Лексические различия в говорах лучше всего осознаются, как думается, жителями территорий, находящихся на стыке говоров: наиболее полно в нашем материале представлены лексические единицы, фигурирующие в говорах бассейна р. Вятка, на пограничье Костромской и Кировской областей.

Наконец, если обратиться к наивному осмыслению «своего» и «чужого» говоров в лингвогеографическом аспекте, можно отметить следующее. В оппозитивных контекстах диалектоносителей отмечаются различия, присущие жителям разных областей, районов, сельсоветов, населенных пунктов. Дифференциация может происходить также по сторонам света (север — юг, запад — восток), ср.: «На севере *кай* это матюг, а на юге это птичка» (Арх., Лен., Яреньга), и по границам бассейнов рек, ср.: «У нас *быкан*, вятчанье <жители бассейна р. Вятка> зовут *валуями*, а южаки <жители бассейна р. Юг> *лобанами*» (Костр., Павин., Доброумово).

Если на материале контекстов, проанализированных в данной статье, попытаться проследить условные «наивные» изоглоссы, то можно обозначить следующие границы и зоны, выделенные «наивными диалектологами»:

1. Области: Вологодская обл. / Архангельская обл., Костромская обл. / Вологодская обл. Эти противопоставления осмысляются достаточно слабо, указываются лишь некоторые интонационные особенности жителей Вологодской области.

2. Районы: Сокольский р-н Вологодской обл. / Никольский р-н Вологодской обл., Кичменгско-Городецкий р-н Вологодской обл. Противопоставление основано на фактах междиалектной синонимии (*брус* / *плаха*, *тетеря* / *пирог*, *пряжоники*) и омонимии (*божатка* ‘крестная’ и ‘тетя’).

3. Сельские поселения: Аргуновское сельское поселение / Пермаское сельское поселение, Куриловское сельское поселение / Еловинское сельское поселение. Противопоставления основаны на единичных фактах, являются, по-видимому, индивидуальными, выделяются фонетические особенности *аргуновцев* (прогрессивная ассимиляция заднеязычных и оканье) и некоторые лексические особенности *куриловцев*. Чаще осмысливается речь жителей Кемского сельского поселения, причем особенности кемского говора неизменно высмеиваются их соседями.

4. Сельские населенные пункты (деревни, села). По фонетическим особенностям противопоставлены д. Теребаево / д. Байдарово Никольского р-на Вологодской обл. и с. Ивановское / д. Марутино / д. Печёнкино Шарьинского р-на Костромской обл.; по специфике лексики — д. Милофаново / д. Завражье Никольского р-на Вологодской обл.; д. Вахнево / с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл.; д. Кумбисер / с. Кривяцкое Никольского р-на Вологодской обл.

5. Города: Кологрив (анекдоты про *тетерьку* и *челтана*) / Череповец (фонетические черты — цоканье, произнесение удвоенного *ши*, явление междиалектной синонимии — *грузди* / *путики*).

Более четко «наивными диалектологами» выделяются особенности речи жителей с. Петропавловское Павинского р-на Костромской обл. Отмечаются фонетические особенности (произношение в предударном слоге гласного [и] перед мягкими согласными на месте [ê], прогрессивная ассимиляция заднеязычных по мягкости, «чоканье», произношение [ÿ] на месте [л]), а также некоторые специфические для данного говора, по мнению диалектоносителей, лексемы: *керка*, *океркать*, *хружко*, *штё*, *баско*, *середь*, *залавок*.

Наконец, наиболее комплексными являются наивные представления жителей Русского Севера о речи жителей пограничья Костромской и Кировской, а также Костромской и Вологодской областей (*вятчан*, *вохмяков*, *вочагов*, *ёнталят*, *южаков*). В результате анализа метаязыковой информации, собранной на пограничье Костромской и Кировской области, можно говорить о существовании особой локально-территориальной группы *вятчан*, выделяемой на основании целого ряда речевых особенностей, приписываемых жителям Вятки соседями-костромичами. Следует отметить, что направленный полевой сбор метаязыковых данных сотрудниками Топонимической экспедиции УрФУ был намеренно осуществлен на границах разных диалектных зон (и административно-территориальных областей), в которых предположительно могли фиксироваться всплески метаязыковой рефлексии: границы Костромской области с Кировской, Вологодской и Нижегородской. Реальный всплеск был зафиксирован лишь на границе Костромской и Кировской областей, причем особыми языковыми чертами наделялось именно вятское наречие, а говор как костромичан вообще, так и представителей локально-территориальных групп населения (*южаков* и *вочагов* — в Павинском, *ёнталят* — в Вохомском районе Костромской области и Кичменгско-Городецком районе Вологодской области) осмыслился значительно менее детально.

Итак, междиалектные различия активно осмысляются и анализируются жителями Русского Севера, в частности, одним из наиболее продуктивных способов выражения метаязыковой рефлексии «наивных лингвистов» являются так называемые «оппозитивные контексты», где противопоставленными оказываются те или иные черты своего и чужого говора. Диалектоносители отмечают междиалектные особенности на различных уровнях языковой системы — фонетики, просодии, лексики, обозначают некоторые социолингвистические параметры своей и чужой речи. Основываясь на метаязыковой оценке различий своего говора и говора соседей, «наивные диалектологи» проводят своеобразные «метаязыковые» границы, отделяющие друг от друга локально-территориальные группы населения, причем они могут не совпадать с границами административными и с лингвистическими границами, определяющими членение диалектов.

Источники

БДКА — Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции РГГУ : база данных (Российский государственный гуманитарный университет, лаборатория фольклора).

Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-Пресс, 2011.

ДЭИС — Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [Электронный ресурс] / авт.-сост. О. В. Востриков, В. В. Липина, Свердловский областной Дом фольклора, кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ. Екатеринбург, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

КубГ — *Борисова О. Г.* Кубанские говоры : материалы к словарю. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2005.

ЛКТЭ — лексическая картотека ТЭ УрФУ (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / ред. Б. А. Ларин и др. Л. ; СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1967—. Вып. 1—.

СГСЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / авт. кол.: Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова [и др.]. Новосибирск : Изд-во СО РАН : Науч.-изд. центр ОИГГМ, 1999.

СРГА — Словарь русского островного говора Азербайджана / ред. Л. Г. Гулиева [и др.] ; Бакинский гос. ун-т, каф. рус. языкознания. Баку : Изд-во Бакинского гос. ун-та, 2006.

Исследования

Березович Е. Л., Бондаренко Е. Д. «Лексические недоразумения» в сюжете фольклорного текста // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2013. № 4 (120). С. 113–131.

Ганцовская Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова (проблемы типологии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2008.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М. : Просвещение, 1970.

Казакова (Бондаренко) Е. Д. Вятчане глазами костромичей // Живая старина. 2012. № 2 (74). С. 41–44.

Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000.

Поступила в редакцию 27.06.2017

Принята к печати 06.10.2017

Бондаренко Елена Дмитриевна
кандидат филологических наук
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский пр., 32-А
E-mail: jelena.kazakowa@gmail.com

Bondarenko, Elena Dmitrievna
PhD (Philology)
Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
32-A, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russia
Email: jelena.kazakowa@gmail.com

**DIALECT DIFFERENCES IN THE CONSCIOUSNESS
OF THE INHABITANTS OF THE RUSSIAN NORTH
(With Reference to Oppositional Contexts)**

This article considers cases of metalinguistic reflection of the Northern Russian folk tradition bearers regarding interdialectal differences presented in the form of opposed contexts — statements in which linguistic features of the bearers of two or more language varieties are deliberately contrasted. The main data for the study are presented by metalinguistic text formations collected during the fieldwork of the Toponymic Expedition of Ural Federal University between 2005 and 2016. The article aims to highlight the peculiarities of the naïve linguistic consciousness concerning dialect distinctions on different language levels (phonetics, prosody, vocabulary), as well as to analyse metalinguistic statements about the sociolinguistic and linguogeographic parameters underlying the opposition of different dialects. As a result of opposed contexts analysis, the author determines a number of phonetic features of the Russian Northern dialects. These features serve as a basis for the division “one’s own dialect” — “another dialect” in naïve linguistic consciousness: progressive assimilation (palatalisation) of velar consonants, yjr pronunciation of [ÿ] instead of [l], simplification of the combination [cht’], pronunciation [ch] as [ts] and [o] as [a], etc. The author also singles out some features regarded as irrelevant by naïve dialectologists and describes peculiarities of the “naïve” perception of dialect vocabulary features (inter-dialectal synonymy and homonymy). Additionally, she describes a number of the most frequent words, indicating dialectal differences (clothes, pastry, tools, mushrooms, typical addresses, and personal names, etc.). The article refers to the main sociolinguistic oppositions, which are relevant for dialect speakers (“Russian” — “non-Russian”, “urban” — “rural”). The article makes an attempt to retrace relative “naïve” isoglosses. The author shows several boundaries and areas marked by naïve “dialectologists”.

Key words: ethnolinguistics; Russian dialectology; linguistic consciousness; naïve linguistics; metalinguistic function of the language; metalinguistic reflection; Northern Russian dialects.

Acknowledgements

This work is supported by the *Russian Science Foundation* (project 17-18-01373 “Slavic Archaic Zones in the Space of Europe: Ethnolinguistic Studies”).

Berezovich, E. L., & Bondarenko, E. D. (2013). «Leksicheskie nedorazumeniia» v suzhete fol'klornogo teksta [Lexical Confusions in Folkloric Plots]. *Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 4 (120), 113–131. (In Russian)

Gantsovskaya, N. S. (2008). *Leksika govorov Kostromskogo akaiushchego ostrova (problemy tipologii)* [Dialect Vocabulary of an Island in Kostroma Region with the Pronunciation of Unstressed Russian “o” as “a” (Typology Issues)] (habilitation dissertation abstract). Yaroslavl. (In Russian)

Kazakova (Bondarenko), E. D. (2012). Viatchane glazami kostromichei [Residents of Vyatka Region as Seen by the Residents of Kostroma Region]. *Zhivaia starina*, 2 (74), 41–44. (In Russian)

Rostova, A. N. (2000). *Metatekst kak forma eksplikatsii metaiazykovogo soznaniia* [Metatext as an Explication Form of Metalinguistic Consciousness]. Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Vorontsova, Yu. B. (2011). *Slovar' kollektivnykh prozvizhch* [Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: AST-Press. (In Russian)

Zakharova, K. F., & Orlova, V. G. (1970). *Dialektnoe chlenenie russkogo iazyka* [Dialect Segmentation of the Russian Language]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)

Submitted on 27 June, 2017
Accepted on 06 October, 2017